Д. КЛЕНОВСКИЙ

СЛЕД ЖИЗНИ

„СПОЛОХИ"

Д. КЛЕНОВСКИЙ

СЛЕД ЖИЗНИ

„СПОЛОХИ"

ПОЭТ Д. КЛЕНОВСКИЙ

Предисловие к сборнику стихов не ставит себе целью объяснить или представить поэзию, заключенную в этих стихах. Оно пишется для того, чтобы сказать несколько слов о самом поэте. Поэзия не нуждается ни в пояснениях, ни в комментариях: она говорит с читателем своим собственным, высоким и неповторимым языком.

Но поэт... Кто он? С кем предстоит нам встреча? Откуда пришел он, где выносил эти стихи? Ответ о Кленовском может быть дан в двух словах: он — последний царскосел. И этого короткого определения достаточно, чтобы читатель немедленно был втянут в стихию поэта. Последний царскосел — таким нам открывается его лицо.

Воспитанный акмеизмом, Д. Кленовский с большой строгостью к самому себе находит свою форму. Мы знаем поэтов, идущих в своем творчестве от мысли, от слова, от образа, от звука. Каждый из этих четырех путей несет свои радости и свои трудности. Кленовский идет первым из этих путей: его вдохновение „умственно", как оно когда то было умственно у Тютчева, у Ходасевича, у целого ряда других русских поэтов. В поэзии своей он не „поет", не „играет", не „рисует", он размышляет. Но в отличие от прежних „поэтов мысли", он занимается этим не в уютном кабинете, не в собственной башне, но на больших дорогах. Он — философ больших дорог, на которые его закинула страшная судьба русского человека. Вдоль и поперек Европы ходит он, этот поэт, выросший в тени Пушкина и Анненского, видевший в детстве Гумилева; он ходит, овеянный тяжелым, сумрачным вдохновением.

Одна из наиболее дорогих ему тем, тема в основе своей символическая: о знаке, которым отмечен человек, сам не подозревая, что этот знак значит. Эту тему Кленовский осмысливает не только поэтически, но и философски, и в свете этого осмысливания, поэт сам становится носителем ве́щей отметины, всю глубину которой узнать ему, несмотря на все его усилия, не дано. В том месте, где „при кликах лебединых" Пушкину являлась его муза, иная муза явилась впервые и Кленовскому и вручила ему лиру, от которой сейчас остались одни обломки. Но глубокий внутренний опыт остался живым, и никакие бедствия его у поэта не отнимут. И данный музой таинственный знак будет пронесен им сквозь всю жизнь.

Всякая книга сейчас, в условиях нашей жизни, есть чудо. Чудо и эта тоненькая книга, которая как бы прикрепляет ее автора к месту ее издания. На самом деле: ни Брюссель, ни Париж, ни Нью-Йорк не могут ни сейчас, ни впредь почитаться прочным пристанищем Кленовского. Он — последний царскосел, гонимый по миру. И потому, не только в стихах его, но и в самой его судьбе, слышим мы подлинную поэзию, отгадывание ве́щего знака.

Н. Берберова.

Париж, 1950 г.

Моей жене

ДОЛГ МОЕГО ДЕТСТВА

Двоился лебедь ангелом в пруду.
Цвела сирень. Цвела неповторимо!
И вековыми липами хранима
Играла муза девочкой в саду.

И Лицеист на бронзовой скамье,
Фуражку сняв, в расстегнутом мундире,
Ей улыбался, и казалось: в мире
Уютно, как в аксаковской семье.

Всё это позади. Заветный дом
Чернеет грудой кирпича и сажи,
И Город Муз навек обезображен
Артиллерийским залпом и стыдом.

Была пора: в преддверьи нищеты
Тебя земля улыбкою встречала.
Верни же нынче долг свой запоздалый
И, хоть и трудно, улыбнись ей — ты.

1949

МОЯ РУКА

Моя рука — день ото дня старей.
Ее удел с душою одинаков.
Немногое еще под силу ей:
Стакан наполнить, приласкать собаку,
Сиреневую ветвь ко мне нагнуть
(Ее сломать ей было-б тоже трудно),
Да записать стихи, да изумрудной
Студеной влаги с лодки зачерпнуть.
И это всё. Но в скудости такой,
Овеянной вечернею прохладой,
Есть вечности целительный покой,
Есть чистота... — и лучшего не надо!
И хорошо, что силы больше нет
У встречной девушки украсть объятье,
Степному зайцу выстрелить вослед,
Солгать товарищу в рукопожатьи;
Что нетерпенье юности моей
Сменила мудрость осторожной дрожи...
Пусть ты слаба и с каждым днем слабей,
Моя рука, — ты мне такой дороже!
Вот на тебя смотрю я без стыда,
Без горечи..., и радуюсь невольно,
Что ты уже не можешь сделать больно
Отныне никому и никогда.

1947

Вот уж осень ставит свой росчерк
Под законченной книгой лета,
И она просиявшей рощей
В золотой переплет одета.

И оттиснуты на сафьяне,
Перелетною стаей, птицы.
Зимним вечером, на диване,
Перечтем мы ее страницы.

Вспомним ивы, овсы, малину
Между пнями на солнцепеке,
Бархат полночи соловьиной,
Колокольчик голубоокий.

Знать, писалась непонапрасну!
Ведь досталось и нам немного
Чистой радости, ласки ясной —
Дорогого подарка Бога.

Ничего, что и жизнь, как птица,
Улетела, пропала где-то...
В самом сердце — ее страницы.
Перечтем-же их! Вспомним лето!

1949

Снова ночь и снова сердце плачет,
И тихонько кто-то говорит:
— Милый! Это ничего не значит!
Пусть немного сердце поболит!

Посмотри: ведь для такой-же боли,
Взмаха затупившейся косы,
И пшеница шелестела в поле
Золотом несжатой полосы.

Чтобы после корочкой хрустящей
Всех она порадовать могла,
Став еще душистее и слаще,
Чем она нескошенной была.

1949

ВОЗВРАЩЕНЬЕ

Смерть придет, так непременно надо.
Не страшись ее прикосновенья!
В ней не наказанье, в ней — награда,
Не исчезновенье, — возвращенье.

Разве ты не странником гонимым
Мерил жизнь, земного отпил горя?
Разве ты по родине любимой
Не скучал? — по той, за синим морем...

Вот уже и мягкий берег, — старость.
Щебень больше ног твоих не ранит.
За тобой спешит по волнам парус!
Будь-же весел, будь-же счастлив, странник!

1948

Елочка с пятью свечами,
Без игрушек и сластей,
Робко льет скупое пламя
В нищей комнате моей.

Ах, не так же-ль у порога
В мой заветный Вифлеем
Сам стою я перед Богом
Неукрашенный ничем!

Только иглами сухими
Всех земных моих тревог,
Только свечками скупыми,
Что Он сам во мне зажег.

И мою пуская душу
В путь, намеченный едва,
Сам-же скоро и потушит, —
До другого Рождества!

1947

Мой дорогой! Меня жалеть
И утешать меня — не надо!
Поверь: мне так легко стареть!
И сердце словно даже радо.

Всё стало нынче для меня
Совсем по новому понятно.
Как будто от заката дня
Я к утру повернул обратно.

И солнце снова на восток
Струит свой путь благословенный,
И тленьем тронутый цветок
Вновь распускается, нетленный.

И мне опять идти легко,
И в сердце — светлое волненье,
И вот, совсем недалеко,
Уже не сон, а пробужденье.

1949

СЛЕД ЖИЗНИ

Люблю читать на первом снеге
  Скупые заячьи следы.
Смотри: здесь был он на ночлеге,
  Тут уходил он от беды,

Там он сидел, прижавши уши,
  Водя усами на ветру,
А здесь неторопливо кушал
  С березки сладкую кору.

И на душе тепло и славно,
  И я, не отрывая глаз,
Читаю этот своенравный,
  Наивный заячий рассказ,

И думаю: быть может Кто-то
  Моих неизгладимых лет
С такой-же милою заботой
  В моей душе читает след.

И всё, что мне цвело так дивно,
  Так пело сердцу и уму,
Такой-же повестью наивной
  Наверно кажется Ему!

1945

Легкокрылым Гением ведомы,
Улетели птицы за моря.
Почему-же мы с тобою дома
Этим хмурым утром ноября?

Может нужно было взять котомку,
Палку, флягу, пару верных книг,
И пуститься ласточкам вдогонку,
Через лес и поле напрямик!

Только тем, кто медлят, невозможно
Причаститься радостей земли.
Через все шлагбаумы, все таможни
Невидимками-бы мы прошли.

И наверно-б вышли мы с тобою
Завтра утром к розовым камням,
Тонким пальмам, пенному прибою —
Золотым, благословенным дням.

И наверно самой полной мерой
Было-б нам, дерзнувшим, воздано
За крупицу настоящей веры, —
За одно горчичное зерно.

1949

Все мы нынче, так или иначе,
Ранены стремительной судьбой.
Но пока один зовет и плачет —
Говорит, к нему склонясь, другой:

Брат! Да будет и тебе открыто:
Никакая рана не страшна,
Если бережно она обмыта,
Перевязана и прощена.

1949

Мария!
Иоан. 20. 16

Моя душа — что мироносица
Перед разверстою гробницей:
К заветнейшему чуду просится —
И лицезреть его боится.

О, маловерная! Проникнуты
Боязнью все твои стремленья!
И если-б не была окликнута —
Ты не упала-б на колени!

1949

Прозрачным сном прекрасна ночь моя,
Мне, пробудясь, листать не нужно сонник,
И круглым хлебцем радость бытия
Кладет мне утром Бог на подоконник.

И посолив отрезанный ломоть
Дневной заботой, болью и тревогой,
Прияв опять мою земную плоть,
Я дальше мерю долгую дорогу.

И с каждым днем она понятней мне:
В ней поровну всего! И я доволен
Не только тем, что хлеб в моей суме,
Но также тем, что этот хлеб — присолен.

1949

Если кошка пищит у двери
И ты можешь ее впустить —
Помоги обогреться зверю,
У плиты молока попить.

Если мальчик бредет из школы
И, насупившись, смотрит вбок —
Подари ему нож веселый,
Смастерить ружье и свисток.

Если девушка на рассвете
Замолчит на твоей груди,
Как молчат, наигравшись, дети —
Через жизнь ее проведи.

Это всё, что во славу Бога
Можешь сделать ты на земле.
Это мало и это — много.
Это — словно цветок в скале.

1948

НЕЖНОСТЬ

Нежность душная сердце жжет
Ко всему, что живет и дышет,
Норы роет и гнезда вьет,
Плод лелеет и лист колышет.

Так и взял-бы весь мир себе,
Крепко к сердцу прижал, ликуя!
Только в нищей моей судьбе
Где мне силу найти такую?

Знаю: после, когда я сам
Перестану быть только тленьем,
Этим жадным моим мечтам
Отыщу я осуществленье.

А пока... А пока я здесь
Обречен лишь внимать и видеть,
Хлеб украденный молча есть,
Огорчаться и ненавидеть...

Отпусти-же меня скорей
В тишину Твоей звездной рощи,
Где заветной мечты моей
Ничего нет легче и проще!

1947

РАДОСТЬ

Пусть дано тебе жизней много,
Но сейчас ты живешь одну.
Пусть она только слог, но слогом
Строишь слово. Служи ему.

Строй его хорошо и просто,
Как в горах одинокий дом.
Пусть доска и пила, как сестры,
Породнятся в труде твоем.

Будь расчетлив в числе и мере,
Не волнуйся и не спеши.
А построишь — над низкой дверью
Надпись четкую напиши.

Чтобы люди, прочтя, узнали,
Что в рабочие будни дней
Жил ты в радости и в печали,
Но что радость была сильней.

Что ее ты, входя сегодня
К ней хозяином на порог,
Не украл, не купил, не поднял —
Сам сработал и уберег.

1948

ЧУДО СТЕБЛЯ

Вглядись в упругий стебель ржи.
Пойми его. И после, ночью,
Себе-же сам перескажи
Всё то, что увидал воочью.

Рассчетам всем наперекор
И всем наперерез законам,
Стремит он в солнечный простор
Свою отвесную колонну,

И замирает, увенчав
Ее тяжелой капителью.
Какая кладка кирпича
С такою совладала-б целью?

Какой-бы выдержал бетон
Такие трепетные взлеты?
Он был-бы рухнуть обречен,
Дворец, закинутый в высоты!

И где-бы отыскался тот,
Постигший все науки, гений,
Что хоть расчислил-бы полет
Его легчайших сочленений?

А он — построен и стоит,
Нерукотворен и чудесен,
И о нездешнем говорит
Стройнее самых стройных песен.

И так обычен он в своем
Величии необъяснимом,
Что ты пригожим летним днем
Проходишь равнодушно мимо.

Ты скуден скудостью земной,
Не веришь ни в какое чудо...
А вот оно перед тобой,
Спокойным вестником „оттуда"!

Свидетелем, что есть ответ
На горечь всех твоих сомнений,
Что там, где строит вечность, нет
Невыполнимых вычислений.

1949

ЖИЗНЬ

Это всё гораздо сложнее,
Чем в мудрейшей из наших книг.
Жизнь твоя... — ты сроднился с нею,
Как к любовнице к ней привык.

Ездишь с нею по ресторанам,
И закуриваешь, не спросясь,
И на коврик ее медвяный
На ботинках приносишь грязь.

А она?... Для нее названья,
Как ни бейся, не подберешь!
В ней и вечности замиранье,
И мгновенья живая дрожь.

В ней — минувшего тяжкий камень,
И грядущего легкий пар.
Зачарованными путями
Пролегает ее тропа.

Светят солнца в нее и луны,
И пронизывают ее
Золотые, тугие струны —
Мира звонкое бытие.

И совсем не словами — песней
Говорит, наклоняясь к ней,
Светлоликий, крылатый вестник,
Верный спутник судьбы твоей.

И от этих сияний звонких,
Этих песен, блужданий, встреч
Обессилев, она ребенком
Хочет рядом с тобой прилечь.

С ней-бы надо, как с самой хрупкой,
Самой кроткой и чистой быть,
Озабоченною голубкой
Над ее головой кружить;

Отдыхать на плече покорном,
Словно в бурю на берегу,
И клевать золотые зерна
Из ее приоткрытых губ.

1949

ПОЕДИНОК

В этом замке всё уже давно
Язвой тления поражено.

Бледно-розоватая стена
Празеленью мутной солона.

Солнечных часов хромой паук
Полустертый вяжет полукруг.

Статуя с отбитою рукой
Сторожит свой собственный покой.

И морщинами со всех сторон
Трещины змеятся вдоль колонн.

Никого не любят здесь, не ждут.
Смерть как-будто торжествует тут.

Но вверху, на каменном гербе,
Ласточка гнездо свила себе.

Но у входа тяжкая плита
Корнем дерева приподнята.

Но зимой, в сиреневую рань,
Мох со статуй сгладывает лань.

А кругом в снегу бежит, таясь,
Заячьих следов живая вязь.

Новой жизни свежие ростки
Здесь повсюду внятны и близки.

Пусть, еще несмелая, она
С виду беззащитна и нежна.

Но в веках она переживет
Твердость скал и неизбывность вод.

Слабую, беспомощную плоть
Крепче камня сделал нам Господь.

С каждым летом камни хрупче тут,
Но пышней азалии цветут.

И весенней ласточки слюна
В беге дней прочнее, чем стена.

Нетерпеньем тела и души
Подгоняемая, жизнь спешит.

Стройным сыном, словом и мечтой
Жизни ты навек причастен той.

Не пугайся тленья и могил.
Навсегда бессмертен тот, кто жил!

1947

ПАМЯТИ ГОРЬКИХ ЛЕТ

Не сейчас! — в Христово Воскресенье,
Под адриатический прибой,
В померанцевых садах Мантеньи *)
Было-бы нам встретиться с тобой!

А на самом деле: ночь и стужа,
Степь и паровозные гудки.
Перед фонарем снежинки кружат —
С наших мертвых яблонь лепестки.

В обреченные, дурные годы
Мы с тобой, любимая, живем...
Почему-же в эту непогоду
Всё-таки нам хорошо вдвоем?

На твоей щеке снежинки тают,
И рука под шубкой горяча,
А висок так сладко отдыхает
В узкой ямке твоего плеча.

Скрипнули и заскулили оси...
Вот мы снова в безымянный путь
Равнодушные тела уносим,
Забывающие отдохнуть.

Потерпи еще немного! Вскоре
Мы проснемся в странной тишине,
Взглянем — и внизу увидим море
С парусом на голубой волне.

---

*) Итальянский художник эпохи Возрождения.

Побежим к нему крутой тропинкой
Сквозь притихший сад, где там и тут
Ящерицы с изумрудной спинкой
Золотые грозди стерегут.

Задыхаясь, ступим на горячий,
Жемчугом унизанный песок, —
И поймем..., и так легко заплачем,
Как я в детстве только плакать мог.

А оставленные нами трупы
Выкинут соседи на ходу.
Разве им понять, слепым и глупым,
Нашу радость и свою беду?

Разве мы вернемся и расскажем,
Что мы белым парусом плывем,
Белой пеной ворох кружев вяжем,
Свежим ветром в облаках поем?

Потерпи еще, моя родная!
Нам уже совсем недалеко
До почти немыслимого рая,
Где светло нам будет и легко!

1946

ПРОСЬБА

В день, когде уже ничто не может
Возвратить утраченные дни,
В час, которого не будет строже, —
Об одном прошу Тебя я, Боже:
Память у меня Ты отними!

Чтоб забыл я, что когда-то, юный,
По весенним рощам я бродил,
Рвал черемуху и трогал струны,
Провожал серебряные луны,
Розовые зори сторожил.

Чтобы ничего я не запомнил,
Чем мгновенья были высоки:
Ни одной моей подруги дольней,
Ни одной тосканской колокольни,
Ни одной онегинской строки.

Чтоб навек погасли надо мною,
Отзвенели-бы и отцвели
Все сады, все звезды, все прибои —
Всё, что я в дорогу взял с собою
Из сокровищ неба и земли.

Если сердце всё это забудет —
Станет не о чем ему жалеть,
Ничего отнять не смогут люди,
И уже совсем легко мне будет
Оттолкнуть скамью и умереть.

1946

НА ПОБЫВКЕ

Вот с тобой мы снова на побывке
На далекой родине-земле.
Перед нами мутные опивки
В неуклюжих кружках на столе.

Где мы это? Верно на вокзале?
Все спешат, повсюду грязь и пыль...
Хорошо, что мы с собою взяли
В дальний путь заветную бутыль!

Приложись к напитку золотому
И соседу предложи глоток.
Он не хочет? Не привык к такому?
Говорит, что он ему не впрок?

Есть обратный поезд в 9.20,
Это лучше, чем в 17.06.
Будем понемногу собираться...
Всё равно не оставаться здесь!

1949

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ СОН

В пустынных парках Царского Села
Бредет, стеня, осеннее ненастье...
Мне страшно здесь! Здесь юность солгала,
Растаяв первым и последним счастьем;

Здесь призраки свиданья длят свои,
Здесь мертвецы выходят из могилы,
Здесь ночью гимназиста лицеист
Целует в окровавленный затылок;

И гимназистка, в узком ремешке
Пенал и книги на бегу роняя,
Спешит в изнеможеньи и тоске
И двух, вперед ушедших, догоняет.

И почему-то вдруг опять весна
И белой ночи вещее молчанье...
Но призраками бредит тишина,
О них тоскуют дремлющие зданья.

О если-б кто проснулся наконец,
Упал-бы стул, заплакали-бы дети!
И горько кипарисовый ларец
Благоухает в строгом кабинете.

Лишь отрок, у окна встречая день
(Ему не нынче было-бы родиться!),
Не спит, и царскосельская сирень
К нему слетает песней на страницу.

О, призраки! О, царскосельский сон,
Пронизанный и радостью и мукой!
Кто зрит его, того связует он
Безмолвной и торжественной порукой!

Не та-же-ли судьба повторена
В трагическом содружестве поэтов?
Не та-же-ль казнь? И нету в мире сна
Страшнее и прекраснее, чем этот!

1947

ДОМ

На краю поселка, у обрыва,
Там, где сваливают всякий сор,
Он стоит, большой и некрасивый,
И ничей не радует он взор.

Все ступени у крыльца отбиты,
Дверь забита наискось доской,
Из ворот, что широко открыты,
Веет тленьем, гарью и тоской.

Пятна стены испещрили густо,
Трещины, как раны, глубоки,
Окна смотрят мертвенно и пусто,
Как слепой сквозь темные очки.

Всё мне кажется, что здесь убили,
Что когда-то здесь на чердаке
Девочку подушкой задушили,
Труп вдоль стен проволокли к реке.

Что отсюда словно на кладбище
Отвозили девушек к венцу,
Хлеба здесь не подавали нищим,
Топором здесь сын грозил отцу.

Это было здесь и это будет —
Так уж видно повелося тут.
И всего ужаснее, что люди
В этом доме и сейчас живут!

И торопишься скорее мимо,
Словно он — звено в твоей судьбе,
Словно нити ужаса незримо
От него протянуты к тебе.

И в полях, где золотится лето,
В рощах, убегающих к реке,
Молишься о доме неотпетом —
О несчастном нашем двойнике.

1945

Ночь была такою тяжёлою,
Словно я ее нес века.
Неподвижным, студеным оловом
Наклонилась ко мне река.

И усилья не надо было-бы,
Чтоб сомкнулась над головой,
И никто-б никогда не выловил
Захлебнувшийся голос мой.

И когда бы не ты орешником
Обхватила меня за грудь,
Было-б всё как давно обещано, —
Как и будет когда-нибудь.

1948

Н. С. Гумилеву.

Как валежник сухие годы
Под ногою хрустят мертво,
Волчьей ягодою невзгоды
Обвивают истлевший ствол.

И сквозь голые сучья небо —
Словно треснувшая слюда.
Всё чужое: краюха хлеба,
Сеновал, скамья и вода.

Дай мне руку! Как никогда ты
Мне, учитель, нужен сейчас,
В час бессмысленнейшей расплаты,
В обнаженный, как череп, час.

1945

ДВОЙНИК

Я стою у своего-же дома
И я вижу, как в моем окне
Свет горит и силуэт знакомый
Иногда мелькает на стене.

Это я брожу там до рассвета,
Говорю с собою наяву,
Письма жгу, и мертвого поэта
На свиданье страшное зову.

Темнота на улице безлунной,
Лишь одно окно слепит и жжет,
И на нем решеткою чугунной
Стынет рамы черный переплет.

Я давно уж сам себя покинул,
Через свой порог перешагнул,
Я давно уже из сердца вынул
Ржавой жизни жесткую иглу.

Но остался жить на этом свете
Меж бессонниц, призраков и книг,
За меня перед людьми в ответе,
И чужой и близкий мне двойник.

Он тоскует. Он напрасно множит
Обреченные уже пути.
Он ломает руки и не может
Ни остаться в мире, ни уйти.

И не знает он, что близко где-то
Я стою сейчас на мостовой,
Богом и прощенный и согретый,
Навсегда свободный и живой.

Чем теперь могу ему помочь я?
Забрести лишь разве на огонь,
Да на лоб горячий злою ночью
Положить прохладную ладонь?

Но меня всегда невольно тянет,
Как преступника в забитый дом,
Подглядеть, когда-ж он перестанет
И бродить и плакать за окном.

Может он уж раздобыл в дорогу
Непахучий белый порошок
И, тая смертельную тревогу,
Делает мучительный глоток?

Подожду я, улицу померю,
А когда затеплится рассвет
Постучусь я у знакомой двери
И узнаю, жив я или нет?

Если нет — не надо будет боле
Ни следить, ни слушать, ни жалеть,
И уйду я свежим ветром в поле —
Золотой пшеницей шелестеть...

1947

ЧУЖИЕ

Мы нехотя бродили по дорогам
За это к нам неласковой земли,
И потому наверно так немного
Земного счастья в сердце сберегли.

Мы здесь чужие. Нам ничто не любо, —
Деревья только, скалы, облака,
Гекзаметра серебряные трубы,
Да тихий лад пастушьего рожка.

Куда идти? Последний вечер тает,
Последние малиновки поют,
И время только смерть нам предлагает —
Нестрашный, но неверный свой приют.

1946

На сухом полотне заката —
Сок вишневый и бирюза.
Отожгло, отошло куда-то...
Можешь снова открыть глаза.

Можешь вновь в колеях дорожных
Оброненную жизнь искать,
Терпеливо и осторожно
Можешь пыль шевелить опять.

Только что подберешь ты, нищий,
На распутьи пустых дорог?
Разве вечером ты отыщешь,
Что с утра ты не уберег?

И одно лишь тебе осталось:
Сесть на камень и молча ждать
Отпускающую усталость —
Смерти горькую благодать.

1946

В этом доме мы с тобою жили,
До него свой дотянув возок.
Здесь мы с безнадежностью дружили,
Нищее богатство сторожили,
Берегли вечерний огонек.

Сторож бродит по небу двурогий,
Стынет в речке мертвая вода,
Черный вестник медлит на пороге...
И не будет более дороги
Нам с тобой отсюда никуда.

1946

В осадке жизни, выпитой до дна,
Уже совсем не чувствуешь вина —
Лишь оцета в нем вяжущая прелость.
И для того она тебе дана,
Чтоб больше пить тебе не захотелось.

1949

ЛИШНИЙ

Как собака из лужи пьет,
По колючим помойкам рыщет —
Так и он свою жизнь живет,
Свое нищее счастье ищет.

Знает трусость и знает злость,
Знает, жгучее раз от разу,
Как прекрасна простая кость,
Кем-то вываренная до отказа.

А умрет он, как клячи мрут
На ноябрьской крутой дороге:
Напоследок лишь отпрягут,
Да немного откатят дроги.

Сунут сена ненужный клок
К морде, тронутой пеной алой,
Да шлею под шершавый бок...
Пожалеют еще, пожалуй!

И останется лишь дымить
Лужа крови в снегу дорожном...

Скажешь: можно-ль так жизнь прожить?
И оказывается — что можно.

1947

ПРЕДСМЕРТНОЕ

Мы чтили волю Господню,
Зачем-же Он нас отверг?
Несешь свою жизнь сегодня,
Как свечку в Страстной Четверг.

Ладонями заслоняешь,
Не разгибаешь плеч,
Не дышешь, едва ступаешь,
И знаешь — не уберечь!

Все злей и бесповоротней
Давно обреченный путь,
И каждая подворотня
Грозит мою жизнь задуть.

И страшно будет и просто:
Мгновенье — и без борьбы
В руке на копейку воска,
Огарок моей судьбы.

А что перед Божьим ликом,
Волнуясь, она цвела,
Внимала словам великим,
Сама их шептать могла,

Что луч ее, хоть неярок,
Но всё-же сиял во тьму, —
Холодный найдя огарок,
Не вспомнят и не поймут.

Лети же, мой пламень малый,
Обидам кончая счет,
Беспомощный и усталый,
В провалы мирских пустот!

1945

ДУНАЙСКАЯ ЗИМА

Припорошены снегом ели,
Ручеек звенит подо льдом...
Не томись, не считай недели,
А живи себе еле-еле,
Ледяной свой лелея дом.

Ах, иного ты не построишь!
Да и нужно ли? Всё равно
Этим сердце не успокоишь,
Не согреешь и не укроешь —
Будет зябнуть всегда оно.

Так прими-же, благослови-же
Эту россыпь богатств скупых,
Этот край, что отныне ближе
Весен в Риме и зорь в Париже —
Никогда не жалей о них!

Он дается тебе в забвенье
Пестрой жизни веретена:
Вдохновенья и нетерпенья,
Пиршеств духа и чувств смятенья —
Весь прохлада и тишина.

Подчинись его ласке строгой,
Завтра той-же, что и вчера,
Поброди, помечтай немного,
И домой отыщи дорогу.
Вечереет уже. Пора.

1945

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Я мертвым был. На тройке окаянной
Меня в село безвестное свезли,
И я лежал в могиле безымянной,
В чужом плену моей родной земли.

Я мертвым был. Года сменяли годы.
Я тщился встать и знал — я не могу.
И вдруг сейчас под легким небосводом
Очнулся я на голубом снегу.

Ужели спала с глаз моих завеса,
И я могу с сухого снега встать,
И выпал пистолет из рук Дантеса,
И бег мгновений обратился вспять?

И вот иду я узкою тропою,
Лицо свежит неторопливый дождь,
И Болдинская Осень надо мною
Златит листву у придунайских рощ!

1945

НИЩАЯ ВЕСНА

Я бродил по талым косогорам,
Мартовскую слушал тишину,
И в кустах над ручейком нескорым
Повстречал я Нищую Весну.

Шла она почти совсем нагая,
Кутаясь в туманы и дожди,
Осторожно ветки раздвигая
И пути не зная впереди.

Но уже каштановые пряди
Золотом сквозили на ветру,
Но уже прибавился в наряде
Пролесок, расцветший поутру.

Подошла ко мне и застыдилась,
Руки уронила и ждала,
Только быстрым взглядом заслонилась,
Но прохладных губ не отняла.

Я сказал ей: пусть тебя другие
И умытой и нарядной ждут,
Косы заплетающей тугие
Майским днем в сиреневом саду!

Ты мила мне именно такою:
Неуверенной в себе самой,
С незаплетенной еще косою,
С удивленных глаз голубизной.

И беспомощной, и виноватой,
И не знающей, вперед спеша,
Что сегодня утром для меня ты
Первым поцелуем хороша!

1945

Гостили мы на острове зеленом,
Среди акаций, уток и камней,
Лишь кампанильи легким перезвоном
Стучались в тишь апрельских этих дней.

Была скамья на берегу залива,
А рядом с нею — ивы и лужок.
И, выкупавшись вместе с нами, ивы
Опять, кряхтя, врастали в бережок.

Те дни прошли. О, как их было мало
И как они все были коротки!
Скупая горсть, которой нехватало
Ни для твоей, ни для моей руки.

И, уезжая, с борта парохода
Глядели мы, волненье затая,
На аметистом тронутые воды
И бережок, где ивы и скамья.

...Не так-ли вот, в каком-нибудь апреле,
Пускаясь в путь на легком корабле,
Мы разглядим скамью, где мы сидели,
Когда с тобой гостили на земле?

1948

Плачешь ты и просишь ты о многом,
И не знаешь, что мечта твоя
Как невеста медлит за порогом
Твоего земного бытия.

Переступишь — и к тебе прижмется,
Самой нежной женщины нежней,
И уже ни плакать не придется,
Ни жалеть — так сладко будет с ней.

Будь-же мудрым! Не проси, не требуй!
Скоро, скоро к суженой придешь,
И сухой кусок земного хлеба
Золотистой вечностью запьешь!

1948

Вот стоишь, такая родная,
В старой шубке, в простом платке,
От обещанного нам рая
Держишь ключик в пустой руке.

Выйдем снова вдвоем в дорогу!
Вечереет. Дымят холмы.
Нам идти уж совсем немного —
Ничего, что устали мы.

Лишь-бы только не разлучило
Нас ничто на глухом пути,
Лишь-бы вместе хватило силы
До Высоких Дверей дойти.

Дай, друг друга мы перекрестим,
Как привыкли уже давно.
А что нас туда пустят вместе —
Это, милая, решено.

1947

Как в плотной грозди виноградной
Две виноградинки порой
Теснятся бережно и жадно —
Так в этой жизни мы с тобой.

Нам свет от одного сиянья
И тень от одного листа,
И тем-же чистым ожиданьем
Тугая мякоть налита.

И украдет-ли нас прохожий,
Иль осы выпьют, иль, легка,
Нас срежет Отчая Рука —
Мы в смерти неразлучны тоже.

1949

Мне в веках тебя не прославить,
Ни Лаурой, ни Беатриче,
И придется, видно, оставить
Этот славный земной обычай.

Но когда прочитают люди,
Как мне звезды в ночи светили,
Как меня эти звезды любят —
Эти звезды мои не ты-ли?

И когда расскажу еще я
О весне, на тебя похожей,
О веселом, как ты, прибое —
Это будешь не ты-ли тоже?

Так и жить тебе, жить вовеки,
Не любовницей, не женою,
Не стихами о человеке,
А о звездах и о прибое.

1949

ПРОХЛАДА

На рубеже последних дней
Мне больше ничего не надо,
Вокруг меня уже прохлада
Прозрачной осени моей.

Пусть стали медленней движенья,
И голос изменяет мне,
Но сердца в полной тишине
Красноречивее биенье.

Ложится сумрак голубой
На тяжелеющие веки,
И так прекрасно быть навеки
Наедине с самим собой.

1947

НА КЛАДБИЩЕ

Мы уже всюду были,
Хочешь — зайдем сюда?
Тесно нас обступили
Холмики в два ряда.

Каждый из них украшен
Лилиями в цвету.
Ласточка пьет из чаши
Каменной на-лету.

В церкви звонят к вечерне...
Надпись везде одна:
Золотом или чернью —
Сроки и имена.

Видишь, как мало надо
Времени и пути,
Чтоб до простой ограды
С жизнью вдвоем дойти!

Тени кругом сгустились,
Даль — в предвечерней мгле.
Может быть загостились
Мы на своей земле?

В мире о нас забыли,
Дома — давно не ждут...
Мы уже всюду были!
Хочешь остаться тут?

1948

Бродя весной по солнечным дорогам,
Что паутинкой по холмам легли,
Так хорошо беседуется с Богом
В скупых просторах неба и земли.

Он слышит всё. Он отвечает редко:
Дыханьем ветра, шелестом травы,
Да иногда черемуховой веткой
Совсем легко коснется головы.

Но в скудных знаках медленной беседы
Красноречивой столько красоты,
Что чувствуешь: ты лучшее изведал,
Что в этой жизни мог изведать ты.

И вот идешь... Глаза сияют счастьем,
Душа звенит, как горный ключ чиста,
И ароматом первого причастья,
Как у ребенка, тронуты уста.

1946

В круговращеньи мудром бытия
Не каждый-ли другому предназначен?
И, верно, трапезой служу и я
Взыскательному ангелу. Он мрачен,
Когда я не даю ему вкусить
Плодов моей души: любви, смиренья,
Иль обрываю судорогой тленья
Заветной завязи живую нить.
И светел он, когда свои ростки
Я ввысь стремлю, всё легче, всё отвесней,
И позолоченную солнцем песню
Роняю в горсть протянутой руки.
И мне за то, заботливый, он сам
Бесчисленную милость расточает:
Мои сухие ветки обрезает
И бережет от вора по ночам.
И горнюю струя мне благодать, —
То знойный луч, то ясную прохладу, —
Меня готовит яблонею стать
В густых садах Невидимого Града.

Так мы живем, свершая тот закон,
Который каждый ищет и обрящет, —
Я — деревце, садовник добрый — он, —
В просторах вечности плодоносящей.

1948

ПУТЬ К ЛЮБВИ

> Назначение земли — стать планетой Любви.
>
> *Рудольф Штейнер.*

Всё в жизни к нам приходит через боль,
Всё лучшее — сперва томит и мучит.
Суровый ангел совершенству учит.
Создать себя — нужны армады воль,
Помноженных на бездны и на кручи.
Неисчерпаема земная соль.
Мы выстрадать должны свои творенья:
Ребенка, истину, стихотворенье.

Когда-то в мир, где мы живем сейчас,
С болезненным упорством, неумело,
Как зуб, прорезывалось наше тело.
И то, что нынче пиршество для нас,
В чем красота и радость без предела:
Живые звезды наших ясных глаз, —
К познанью мира открывая двери,
Милльоны лет нам проедали череп.

Вот и сейчас: для будущих времен
Мы копим клад — его зовут Любовью.
Он нас томит неумолимой новью,
Он едкой раной в душах погребен.
Мы покупаем блеск его и звон,
Расплачиваясь плотию и кровью,
Но царское богатство, как песок,
Сквозь пальцы льется в пыль земных дорог.

Пока еще, как по тяжелым плитам,
Шагаем мы, не признаваясь в том,
По брошенным, обманутым, забытым,
Растленным (и задушенным потом!).
Мы давим губы искаженным ртом,
Мы дремлем рядом с нами же убитым,
Мы палачами по чужим домам
Проходим. Никого не жалко нам!

Но в дрожи рук перед бегущей ланью,
Но в птице, выпущенной из силка,
В сияньи обойденного цветка,
В слезах разлуки, в трепете свиданья,
В ломте, отрезанном для бедняка,
И даже в самом жалком обладаньи,
Коверкающем судорогой рот, —
Скупой росток грядущего живет.

Так будем-же, как пчелы, терпеливы
И соберем по капле трудный мед!
Насытить мир — придет его черед.
Пускай потом, когда-нибудь, счастливый,
Его другой в самом себе найдет,
И повседневностью сочтет красивой,
И не поверит, всё познав сполна,
Каких мучений стоила она.

...Дымят закаты. Пламенеют зори.
Отцветших дней минует череда.
Плодом созревшим падают года.
Века плывут ладьею на просторе.
Тысячелетий ясная гряда
На горизонте замыкает море.
Мы можем ждать. Мы ждем уже давно.
Любовь — придет! Когда? — не всё-ль равно!

1947

РАПСОДЫ

По деревням Нормандий и Тоскан,
По площадям Валенсий и Брюсселей,
Сняв башмаки и запылив кафтан,
Они бродили, медлили и пели.

Кругом клубилась распря и война,
Ползла чума и ластилась проказа,
Но струйкой ароматного вина
Сочилась вязь чудесного рассказа.

И меж пирушек, стычек или месс
Мы слушали пленительную повесть
О том, как ведьмы портили принцесс
И рыцари с драконами боролись.

И райских птиц жемчужные хвосты
Нам радугами пронизали мысли,
И ожерелья яблок золотых
Неугасимо в памяти повисли.

Мы умерли. Но смерть не ранит нас —
Всего лишь только новой жизнью метит,
И снова в мир вернулись мы сейчас
Дослушать сказку прерванных столетий.

И лишь сейчас мы разгадать смогли
Ее язык и образ потаенный:
Нам символами духа расцвели
Принцессы, феи, ведьмы и драконы.

И мы идем не ощупью уже,
И видим мы и слышим мы иначе,
И рыцарь-вечность на коне-душе
От жизни к жизни рядом с нами скачет.

Но обретенным знанием своим
Делиться должен каждый в мире сущий,
И наша очередь теперь другим
Дать обещанье радости грядущей.

И мы слагаем песни и, таясь,
Бредем от человека к человеку,
Сквозь темноту, и боль, и кровь, и грязь —
Рапсодами трагического века.

Прислушайтесь! Всего вам не понять!
Еще ваш мир для наших молний тесен!
Но день придет: на землю вы опять
Вернетесь с сердцем, полным наших песен!

И всё тогда постигнете сполна!
И ваш черед придет поведать людям,
Что в будни мира тайна вплетена,
Которой все мы, все причастны будем!

1948

АНГЕЛЫ

Бойся падших ангелов! В толпе
Ангелов — не все к нам благосклонны.
Есть такие, что, как червь в крупе,
Роются в душе твоей смущенной.

Точат потаенные пути
В чистые, заветные глубины,
Чтобы, в пыль их зерна превратив,
Липкую оставить паутину.

Падший ангел — он тебя бедней,
Потому и кормится тобою.
Словно к горлу, к совести твоей
Присосется жадною губою.

Иль твою откормит щедро страсть,
Всё, чем сердце суетно и глухо,
Чтоб потом полакомиться всласть
Свежею убоиною духа.

Он тебе является, паря
В силе, славе и великолепьи,
Только горе! если за наряд
С плеч его отдашь свои отрепья.

Настоящий ангел твой незрим,
Подойдет — листа не заколышет.
Будто ты и не встречался с ним!
Будто вовсе он тебя не слышит!

Он тебя не балует ничем,
Строг к тебе, суров порою даже.
Лишь когда отчаешься совсем —
Незаметно путь тебе укажет.

И когда (в лазурь из темноты!)
Он тебе откроет двери рая —
Вскрикнешь ты в смятеньи: „Это ты!
„Я тебя давно и странно знаю!

„Ты скрывался с моего пути,
„Ты молчал, когда я звал на помощь!
„Думалось: ну где-же мне дойти,
„Жалкому и нищему такому!

„А теперь передо мной расцвел
„Этот край, безоблачен и светел!
„И что ты сюда меня привел,
„Веришь-ли, я даже не заметил!"

1948

АПОСТОЛЫ

Они взволнованы. В глазах лучистых —
Неистребимой радости печать.
Их речь порывиста, движенья быстры.
Им нужно столько сделать и сказать!

Они торопятся. Им жизни мало,
И мир им мал. По россыпям морей,
По караванным тропам, перевалам —
Они спешат. О только-бы скорей!

Дойти! Сказать! Поведать всей вселенной,
Всему, что просит, ищет и зовет,
Живую повесть истины нетленной,
Предвозвестить Благоприятный Год!

Они — свидетели. Они видали.
Пред взором их в те дивные года
Калеки шли и мертвецы вставали,
Сиял Фавор, вином цвела вода.

И где-нибудь под деревянной ложкой
В простой суме, между истлевших швов,
Еще быть может залежалась крошка
Когда-то Им надломленных хлебов.

И потому их слово непреложно,
И углем жжет их вдохновенный взгляд,
И даже невозможное возможно,
Когда они об этом говорят.

Они не лгут! И наше утешенье,
Глоток тепла среди житейских стуж —
Поверить в их высокое волненье,
В свидетельство их потрясенных душ.

И их рукой отпущенное слово,
Через века свой пролагая путь,
Летит, поет, всегда свежо и ново,
И белой птицей падает на грудь.

1948

ВСЕВЫШНЕМУ

Свет горит во мне и надо мною —
Мрака нет и нету пустоты!
Звездным небом и моей душою
Ты твердишь, что существуешь Ты!

Как слепой ребенок, от рожденья
Материнского не знав лица,
Всё-таки запомнил шопот, пенье,
Бережной руки прикосновенье,
Теплоту и нежность без конца, —

Так и я тебя, не видя, знаю;
Разуму земному вопреки,
Я Твое дыханье ощущаю,
Песню слышу, шопот понимаю,
Чувствую тепло Твоей руки.

Милостив ко мне Ты бесконечно:
Ты тропинку мне даешь в лесу,
В море — ветер, в небе — пояс млечный,
В поле — зреющую полосу.

Ты прекраснейшую из любовей
В сердце мне, как радугу, зажег,
Мир огромный показал мне внове,
Песенное дал биенье крови
И не раз простил и уберег.

Как-же я Твое не вспомню имя,
Сущего, Тебя не назову!
Жизнь проходит тропами глухими,
И Тобой, щедротами Твоими, —
Только ими! — я еще живу.

Если нужно, стань ко мне жестоким:
Труд развей и жизнь мою сожги.
Лишь одно: на все земные сроки,
Безымянными, вот эти строки
Во Свою-же славу сбереги!

1945

ЗВЕЗДНАЯ КНИГА

Тома прочитаны,
  Душа — пуста.
Лишь капли, считаны,
  Томят уста.

Но в ночь морозную
  Открой окно,
Взгляни на звездное
  Сквозное дно.

Там рыбы плещутся,
  Из синевы
По лирной лестнице
  Выходят львы.

Там стрелы носятся,
  Ковши плывут,
Кресты возносятся,
  Мечи поют.

И дева чистая
  Младенцу в рот
Сосцы лучистые,
  Гордясь, кладет.

Плывут созвездия,
  Гудят, звенят,
Сквозь дым возмездия
  Любовь сулят.

И не от века-ли
  Сияют нам
Библиотеками
  Их письмена?

Горит алмазами
  Шатер Творца.
Здесь всё рассказано,
  Всё до конца!

Гляди все выше ты,
  Читай, без слов
По небу вышитый,
  Глагол миров!

Какие знаменья
  Еще нужны?
Нет чище пламени,
  Свежей — волны!

И если даже ты
  Душою слеп,
И вечность кажется
  Тесней, чем склеп,

И весть доносится
  Едва-едва,
Все-ж в сердце просятся
  Ее слова!

И слышишь ясно ты
  Простой ответ:
Нет, не напрасно все!
  Да, смерти нет!

Пусть с пулей в темени
  Влачится мир,
Пусть Демон Времени
  Свой правит пир,

Пусть сила грозная
  Ломает дверь, —
На небо звездное
  Смотри и верь!

1947

Как от листвы освобожденный дуб
Рисунком завершеннее и строже,
Так осени твоей потери тоже
Тебе скупую четкость придадут.

И не жалей о шорохе ветвей,
О золоте лучей, о гаме птичьем.
Как этот дуб, замкнись в немом величьи
Великолепной скудости своей.

1948

Скажешь: был он зимней зорьки проще,
Ласковый и бережный такой!
Жил он — деревцем в Господней роще,
Умер — словно песня за рекой.

Вот еще зовет вдали и плачет,
Вот уже и вовсе не слышна.
Тишина... Но разве это значит,
Что умолкла навсегда она?

Нету песни благостней и выше,
Чем от нас ушедшие поют.
Это только мы ее не слышим,
А она звенит! — В ином краю...

1948

ОГЛАВЛЕНИЕ